

Нечаева Г. А.

Кто разрешил?

Екатеринбург. 2020

0+

Галина Нечаева

Кто разрешил?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67185101

SelfPub; 2022

Аннотация

Книга «Кто разрешил?» адресована взрослым и детям, и детским драматургам как первооснова для их творчества. Три главы: «Галка, Галочка», «Летом никто не учится» и «Саюри – правнучка» посвящены трем поколениям – прабабушке, внучке и правнучке, о путешествиях, о знакомстве с разными людьми, об их образовании, и, в конечном счете, получения званий «доктор права» внучкой и кандидата наук бабушкой. Глава «Саюри – правнучка» показывает первые встречи и первые диалоги по телефону из США и России. Еще одна часть посвящена научному обоснованию Нечаевой Г. А. идеи возможности и необходимости функционирования негосударственного высшего образования в условиях государственной собственности.

Содержание

Комментарий	5
Часть I	6
Детские открытия	6
Социальное открытие	8
Суп из лебеды	10
Граненый стакан	12
Виля – мой любимый брат	15
Вилины лыжи	16
Виля, Поп и Я	18
Сказал: буду моряком!	21
Штампы	22
Анна Ивановна Красноперова – первая учительница	24
Наступал 1944 год	29
Украина	32
Концерт в Днепропетровске и Витя Черевичкин	35
Прощай, родная Украина	40
Пионерский поселок	45
Александр Мефодьевич – артиллерист	49
Розовая картошка	54
Домашняя школа – моя первая практика	56
Прощание с бабушкой Марфой	57

Приметы новой жизни	59
Переулок Изумрудный	60
Пионерские дела и "Уральская рябинушка"	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Галина Нечаева

Кто разрешил?

Комментарий

Книга «Кто разрешил?» адресована взрослым и детям, и детским драматургам как первооснова для их творчества. Три главы: «Галка, Галочка», «Летом никто не учится» и «Саюри-правнучка» посвящены трем поколениям – прабабушке, внучке и правнучке, о путешествиях, о знакомстве с разными людьми, о их образовании, и, в конечном счете, получения званий «доктор права» внучкой и кандидата наук бабушкой. Глава «Саюри – правнучка» показывает первые встречи и первые диалоги по телефону из США и России. Еще одна часть посвящена научному обоснованию Нечаевой Г. А. идеи возможности и необходимости функционирования негосударственного высшего образования в условиях государственной собственности.

Часть I

Детские открытия

Девочка в светлом летнем платьице, которой девять месяцев, сидит в маленьком красном автомобиле. Она еще не умеет им управлять, она лишь внимательно осматривает руль и поглаживает его. Думает.

Галочка в руках держит большую керамическую куклу, подаренную тетей Анастасией Филимоновной, напряженно смотрит на фотокамеру и ждет птичку. Галина, еще не знающая фамилии изобретателя русской буквы «Г» филолога Магницкого, рассматривает фотографию, на которой слева направо находятся ее отец, сама Галя, стоящая на изящной, красивой, высокой подставке и мать. Пришедший в гости дядя Коля красивым четким голосом спрашивает девочку: "Ну-ка, скажи, кто это на снимке?" Она быстро подносит указательный малюсенький пальчик к листочку в том месте, где видит себя и, улыбаясь, сообщает: "Я, Гая Пуписа! Я, Гая Пуписа!"

Ей один год и три месяца, – это первое свое открытие она запомнила навсегда. Далее следуют другие, например, гашеная известь в бочке, куда она трехлетняя спряталась от друзей и от мамы, к счастью, ожогов не получила. Она наве-

гда запомнила вкус козьего молока. Случались и другие открытия – плетеный солнечный вятский сундучок и вкусный мягкий пряник, высокая, красивая, серьезная, керамическая кукла, книжка "Пат и Паташонок", которую читали взрослые и громко смеялись.

В конце Нового, сурового 1943 года, будучи первоклассницей, девочка встретила в букваре со своей буквой Г, с которой ее познакомила Анна Ивановна Красноперова – первая учительница. Буква оказалась прямо рядом со стаей шипящих гусей. Долго девчонка всматривалась в них и не сразу сообразила, почему эти сердитые птицы так близко и пристально смотрят на ее букву, букву "Г".

С цифрой 5 было проще. Галя знала о том, что на руках и на ногах по пять пальчиков, что в пять лет она впервые встала на широкие финские охотничьи лыжи, которые ей подарил троюродный брат Виля. Наконец, в учебнике по арифметике почти сразу девочка обнаружила горячо полюбившуюся цифру «5». Обо всех подобных знаках поведал детям ученый Магницкий. Кроме этого, он обожал и циркуль, и линейку.

Впоследствии Галина убедилась, что цифр-то даже и для подсчетов звезд много не надо. Их, например, как ей, будущей ученой, вполне хватило одиннадцати, чтобы пересчитать художественную интеллигенцию СССР.

Социальное открытие

Дело в том, что после долгих комплексных многообразных и многосторонних исследований, давших бесценный материал и приведших к серьезным глубоким научным выводам, Нечаева Галина Андрониковна, выступив на заседании ученых Института социологии АН СССР и членов Фонда социальных изобретений защитила идею необходимости и возможности рождения и широкого развития высшего не государственного образования в области искусств и гуманитарных наук в условиях социалистической общественной собственности и 26.08.1988 за № 1008 Нечаева Г. А. как автор, получила уведомление о социальном открытии, зарегистрированным Фондом социальных изобретений СССР.

24 мая 1990 года, в день своего 55-тилетия Г. А. Нечаева (в отрочестве – Пупышева) объявила на заседании Координационного комитета Уральского отделения Союза ученых СССР об открытии в Екатеринбурге, своего, первого негосударственного вуза – Гуманитарного университета.

Примечание. Это событие она в протоколе указанного заседания специально, по своему замыслу зафиксировала дату как 26-е мая.

14 ИЮНЯ 1991 ГОДА Нечаева Г. А. объявила об открытии своего второго вуза в СССР – Академии искусств и художественных ремесел имени Демидовых.

Нечаева Галина Андрониковна дала толчок широкому развитию как образованию в области искусств и гуманитарных наук, так и всего высшего образования в целом. Галина Андрониковна Нечаева (Пупышева) – филолог, социолог, кандидат философских наук, ученая Урала тридцать лет тому назад, открыв первый частный вуз в СССР, дав толчок широкому развитию вузовского движения нового типа, стала для России, поистине, прародительницей негосударственного высшего образования в России.

Никитина З. А. – проректор по общим вопросам. Академия искусств и художественных ремесел имени Демидовых.

Суп из лебеды

До того, как я начала учиться в школе, мама с нами была дома, хотя до этого она с самого начала войны работала иногда сутками, потому, что папа ночами был дома. Чтобы проведать нас с сестрой днем, она от макаронной фабрики, что располагалась не далеко от вокзала, на улице имени Свердлова Я. М., что напротив улицы имени поэта Лермонтова М. Ю., во время своего обеденного перерыва ехала на трамвае до теперешнего южного автовокзала и затем, стремглав неслась на улицу имени Белинского В. Г. к нашему барaku № 206, где мы очень ждали ее.

Мамочка ключом открывала дверной замок, распахивала пальто или телогрейку и доставала с груди белую тряпочку, в которую были завернуты две теплые свежие булочки. Втроем, совершенно счастливые, мы съедали суп из лебеды и маленькими кусочками хлеба. Потом пили чай с молоком и фабричными булочками.

Затем мы – малышки мгновенно засыпали, а мама исчезала снова на несколько часов. Первые три года войны были совершенно мрачными, кроме новогодних и школьных дней, а также небольшой кусочек времени, когда папа выходил с нами в длинный коридор, брал гармонь, начинал с музыкального наигрыша и частушек, плясовых и других задорных мелодий. Тут же появлялись ребятишки и энергично отплясы-

вали, кто как умел. Я гордилась своим талантливым отцом – музыкантом. Я вместе с ним громко припевала: "Барыня угорела, много сахара поела. Ай, да барыня, ай, сударыня!"

Граненый стакан

В мае 1940 года, в начале лета папа был на работе, а мама дома ухаживала за маленькой болеющей сестренкой. Мои старшие подружки собрались в парк культуры и отдыха имени В. В. Маяковского, который стал на всю жизнь моим любимым поэтом, попросили маму отпустить меня погулять с ними. Она согласилась и сказала: "Наша Галя, хотя и послушная девочка, все-таки вы хорошенько за ней присмотрите."

Мы подымались на холмы и с криками-визгами сбегали с них, забирались в лодки – качели и с веселыми песнями взлетали высоко в небо, пили вкусный морс – напиток из клюквы – и долго прищелкивали языками. Часа через два, наигравшись вдоволь, мы, топя по тропинке вдоль двухэтажных домов, из-за любопытства около одного из них остановились. В комнате с распахнутым окном виднелось лицо улыбающейся девушки. Она громко пела частушку: "Милый мой, милый мой, я не дорогая. У тебя, мой дорогой другая дорогая!" К моему, а больше всего к маминому несчастью, эти слова сыграли весьма трагическую роль. Они были обращены, как упрек, к молодому человеку, за которым внимательно следил муж. И как только паренек решил извиниться перед дамой за недостаточное внимание, и прикоснулся рукой к ее плечу. Муж, недолго думая, схватил со стола граненый стакан,

размахнулся и со всей силы, намереваясь из ревности попасть в молодца, бросил стакан в окно и попал мне в голову, чуть выше моего лба. Я закричала, зарыдала. Роза – моя одиннадцатилетняя подружка мгновенно подняла меня, закинула на плечо, и, как стрела, пронеслась метров триста. Вбежала в наш дом и опустила меня на родительскую кровать. Крови было столько, что моего лица почти не было видно.

Услышав рев, а, главное, увидев страшную картину, моя мама упала в обморок. Прибежали соседки, приказали мне не реветь. Самая находчивая из них разыскала йод и вылила мне на рану. От этого я долго рыдала, потом заснула и видела страшный сон, а когда я проснулась и взглянула в зеркало, то, конечно не узнала себя, потому что из него на меня смотрела незнакомая, лысая девушка.

Виля – мой любимый брат

Самые лучшие школьники всей необъятной нашей страны в счастливый день возводились в статус пионеров. В слово «пионер» всегда вкладывался смысл благородного понятия «первый». Виля родился 24-го февраля 1928 года, когда впоследствии правительство и весь народ отдавали честь морякам, особенно военным. Что касается Вили, то, его все мы весело и дружно поздравляли с днем рождения, а в 1938-ом году, в день военного морского флота со вступлением в пионеры.

Благодаря его успехам, старшая вожатая школы № 10, что располагалась рядом с его домом, в поселке под названием "Депо сортировочное", основную часть населения которого составляли железнодорожники, вручила красный галстук, назвала его пионером и сказала; " Дорогой, Вил Николаевич Пупышев, ты самый лучший ученик, обожаешь трудиться, танцуешь лучше всех, мечтаешь о море, и я желаю тебе в будущем освоить какую-нибудь морскую профессию."

Вилины лыжи

Наступил мой первый юбилейный год и принес мне новые сюрпризы. Виля увлекся коньками и в честь Нового 1941 года явился к нам с огромными охотничьими финскими лыжами. Прикрепил их к моим валенкам, дал высоченные палки в мои ручонки и скомандовал "Беги!" Я подняла высоко правую ногу, а она выскочила из валенка, и я зарылась носом в пушистый снег. Виля поспешил меня поднять, а я хваталась за снежинки, чтобы подольше дышать вкусным холодным запахом. Брат отбросил палки в сторону, снял ремень с брюк, подал мне, я ухватилась за него, он дернул ремень, вытащил меня из снега, и мы быстро побежали домой. "Ура! Победа! Галка – лыжница!" – кричал братик, а я вторила. С той счастливой поры на этих лыжах я каталась еще не менее 20-ти лет. Я помню, как однажды к нам приехали три дяди и три тети и Виля. Он надел мне на руку игрушечные часики, и мы крепко обнялись и расцеловались. Его мама, моя любимая Анастасия Филимоновна, указав на карман белого пиджака, предложила мне заглянуть в него, и я с радостью вытащила оттуда огромный вятский пряник, который дядя Коля привез из командировки. Он зарыдала. Кока мне пирожное, наверху его красовалась вишенка, которую, к изумлению всех, я приняла за свеклу. Между мной и дядей случилась забавная перепалка, поднялся шум, потому что каж-

дый из нас дразнил свеклой другого.

Виля, Поп и Я

Мгновенно пролетело три года, и мы все переживали горе: умерла любимая Вилина бабушка, родственники внесли ее в церковь, и мы с ним пытались протолкнуться к черному ящику. Народу было очень много, и мы остались у порога, а сквозь ноющую толпу прорвался к нам поп с очумелыми глазами, уставился на грудь брата, схватился ручищами за галстук, протащил пионера мимо меня, выбросил на улицу и заорал: "Ты, щенок, убирайся отсюда в своем холуйском галстучке. Чтоб я тебя никогда больше не видел здесь! "Я тоже, запнувшись, выпала через порог и закричала.

Виля, естественно, крепко обругал попа идиотом, что и обозначало ИДИ ОТ сюда и не волнуйся, больной и контуженный, потому что я в твою поганую церковь больше никогда не приду, не пойду и ни в какого бога верить не буду.

С земли Вилечка поднялся сам, поднял меня и крепко поцеловал, мы оба рассмеялись и запели; "Чайка смело пролетела над седой волной, в море тает, улетает мой конверт живой. Птица-чайка, улетай-ка, унеси-ка мой привет родной. Я страдаю, ожидаю друга своего, пусть он любит, не забудет, больше ничего."

Я, его милая Галочка, родная Галочка, тогда совсем не подозревала, что не пройдет и всего двух лет, как в тайно от родителей и от всех нас в свои пятнадцать лет, не успев про-

водить меня в первый класс, умчится в свое любимое море,
а я со слезами буду распевать все его песни и танцевать его
любимый танец "Яблочко."

Сказал: буду моряком!

Свое пятнадцатилетие мой боевой троюродный брат встречал успешным окончанием семилетки. Он после выпускного торжества вручил родителям Похвальный лист с пятерками и Почетную грамоту лучшего танцора школы и на весь дом громко заявил: "Я как грамотный и умелый человек завтра или послезавтра попрощаюсь с вами и поеду в школу юных моряков на Соловки!" Родители, зная о мечте сына, почти слово в слово дрожащими голосами сердито, но грустно произнесли: " Виленька, сынок, ты сначала закончи десятый класс, получи аттестат о полном среднем образовании, и тогда мы тебя проводим в морское училище." "Нет!" – сказал Вил Николаевич и через неделю, прячась в кочегарке паровоза, прибыл туда, куда хотел. Научился он тралить фашистские мины. Служил в море шесть лет. В дни празднования 300-летия русского флота России из рук свердловского губернатора мой самый любимый из братьев получил высокую награду – орден Заслуги перед отечеством.

Штампы

Дорогие, прекрасные моряки чернилами фиолетового цвета рисовали разных морских птиц, корабли и цветы Кольского полуострова, берегов Северного и Японского морей. Письма на мое имя, пока Виля учился, приходили от него часто, как правило, с его собственными рисунками, а когда он гонялся за минами и таскал по воде к месту их уничтожения, сильно охлаждался и уставал, то не располагал частыми отправками военной почты. Я иногда месяцами ждала следующее письмо. Каждое письмецо я выучивала наизусть. На узких полях газет, которые отец приносил с работы, я старательно выводила дорогие сердцу фигурки – символы моря – нашей любви. Письма – треугольнички складывала под подушку и просила сон, чтобы он мне рассказал, как чувствует себя Виля, и как скоро кончится война, и мы встретимся с братом после очень долгой разлуки. Я всем сердцем желала увидеть моего братца в морском костюме, стоящем на ветру, и летящими лентами, танцующими на ветру. Не зная и еще не видя море – океана, я влюбилась в него и в последствии, начиная с восемнадцати лет, я не пропустила ни одного лета морской или океанской купели. Даже мечтала стать капитаном дальнего плавания.

Свердловск, улица Щорса 80а. Здесь располагалась, только что выстроенная, школа № 3. В ней у Анны Ивановны училась Галя в первом классе (январь – апрель, 1944 г.)

Анна Ивановна Красноперова

– первая учительница

"В конце августа по улице имени легендарного Щорса мы с мамой сдали мои документы в школу, подготовили все необходимое. С первого сентября 1943 года началась моя новая привлекательная, замечательная жизнь – учеба, сначала в двадцатой, а с десятого января в новой школе, которая оказалась ближе к нашему дому.

В то время по чтению изучалась буква Г. Она показалась мне очень родной, потому, наверное, что моя любимая тетушка в день моего рождения предложила назвать меня Галиной, и родители с удовольствием согласились. Как раз теперь, в начале урока учительница открыла Букварь, предложила внимательно рассмотреть эту букву в печатном и письменном вариантах, показала, разделила слово на слоги, в которые прекрасно вписывалась моя буква.

Анна Ивановна попросила всех учениц прочесть также, как сделала только что она сама. Затем, немного подумав и посмотрев на журнальный лист с нашими фамилиями, спокойно, как всегда, произнесла: "К доске вместе с Букварем я прошу выйти ученицу Пупышеву, которая четко и громко прочтет по слогам напечатанное на двадцать пятой странице стихотворение". Глядя на меня, она, улыбаясь, сказала: "Галля, пожалуйста, читай!" Я всегда, лет до пятидесяти, очень

стеснялась, а в тот момент уткнулась глубоко в учебник и почти, как песню, медленно и довольно звучно произнесла: "Гуси, гуси, га-га-га. Есть хотите?" " Да-да-да! «Вы идите стороной, серый волк под горой, зубы точит, съесть вас хочет! Ну, бегите стороной!" После этого я глубоко выдохнула воздух и зарыдала, а Анна Ивановна подошла ко мне и, погладив по голове, улыбаясь, и тоже, как я, почти пропела: "Галочка, дорогая, ты молодец, ты заслужила самую высокую оценку – пятерку!". Я уж не помню того, как мои ноги донесли меня до парты. Мне, наверно, всю ночь виделся сон про мою букву "Г".

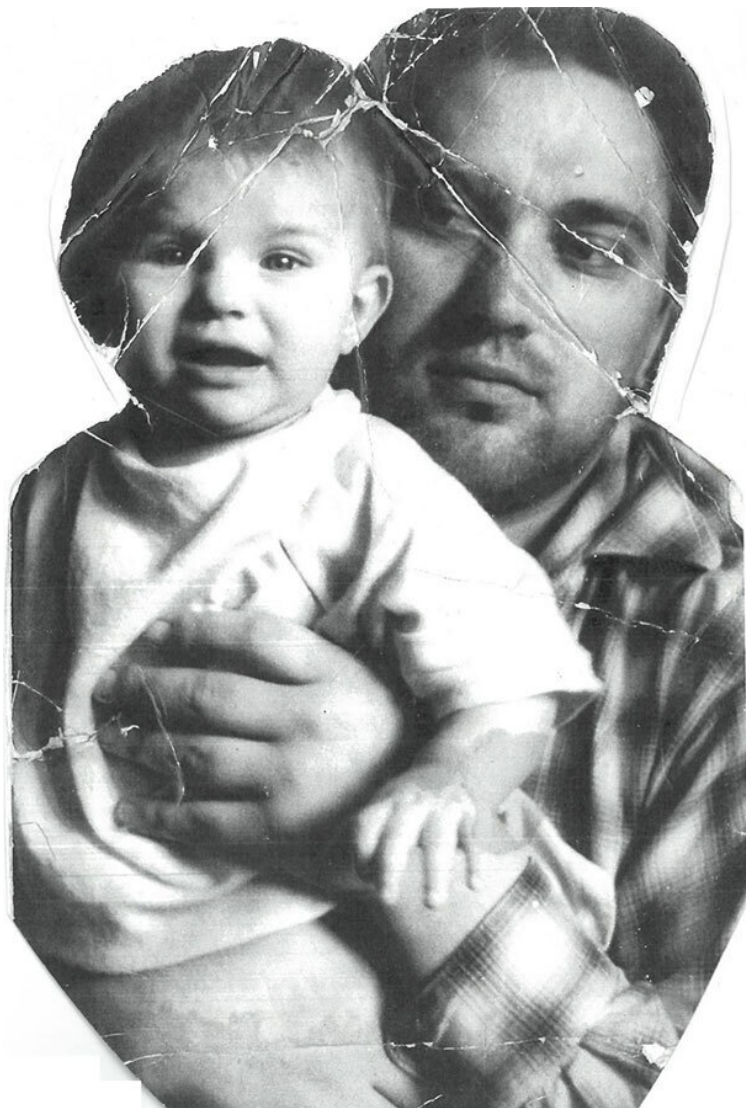
Мне Часто вспоминается еще один серьезный урок. Как-то Анна Ивановна – дорогая моя учительница вошла в аудиторию с заплаканными глазами и с большой газетой в руках. Слезы текли по щекам, и она, чтобы произнести что-то нам, долго промокала платочком свое сильно похудевшее лицо. Затем, сильно волнуясь, тревожно сказала: " Девочки, вы знаете, что на нашей страны, в СССР, наши солдаты сражаются с фашистами. Вы знаете, что среди борцов за свободу с захватчиками в наших лесах находятся наши партизаны, которые помогают нашей армии уничтожать врагов. Они темными ночами выходят из леса, подкрадываются к немецким военным штабам и уничтожают немецких командиров, взрывают склады с оружием. Так вот в один партизанский отряд добровольно записалась девушка, только что окончившая школу и получила за свою хорошую учебу золотую ме-

даль. Она очень хотела, чтобы военные скорее – скорее освободили нашу страну, и чтобы от этих злодеев больше никогда не страдал ни один человек. Имя этой умной и красивой девушки – Зоя Космодемьянская. Так вот, я сейчас покажу ее портрет, напечатанный вчера в газете «Правда». Вот она, девушка – москвичка, рассмотрите ее портрет и запомните ее навсегда." Я увидела необычайно выразительные глаза, коротко подстриженные кудрявые волосы, и мы, малышки, прослушав пересказ статьи военного журналиста Лидова, до глубины души, взволновались и почти все пожалели, что нас никто не сможет ни отпустить и не взять на войну, в партизаны, чтобы отомстить врагам за всех наших страдающих людей и особенно за Зою, погибшую от рук иноземных варваров – захватчиков и выгнать их из родной страны.

Навсегда в моем сердце поселилось прекрасное имя Зоя. Подаренную тетушкой красивую куклу я сразу назвала Зоей. Вдруг у нас появилась козочка, и я ей дала кличку Зойка. Позже, когда у меня появилась дочь, из родильного дома ее выносила и вручала мужу нянечка Зоя. Бабушку нашей девочки Зои, мать моего мужа Адольфа Митрофановича тоже звали Зоя.

Во время войны мы, первоклассники, как и все другие школьники, готовили воюющим солдатам подарки и отправляли их на фронт. Мне вышить цветок на белом кусочке материи, на носовом платке помогла изобразить розу одна добрая соседка. Ее звали Софьей Львовной. Ее внучка, бойкая,

дочь полковника Тамара Соколкина уже побывала в «Артеке» и училась в нашем классе. Что касается вышитого платочка, он вскоре уехал на фронт и «служил» вместе с бойцом, сражаясь с врагами.

Наступал 1944 год

Он ознаменовался тем, что мы побывали на елке во Дворце школьников. С удовольствием я прокатилась по гладкой фанерной горке. Единственный раз я поверила в живого, жутко костлявого Кощея, который хотел меня обнять и утащить в какое-то неизвестное мне свое царство и запереть в темницу. Я сбежала от него, восхитилась живой до потолка елкой, которая сопровождалась светом огромного прожектора и двигалась к детям, к центру зала. Со всеми вместе я много танцевала и пела, и получила маленькую шоколадку. А еще во Дворце я все время переживала из-за того, что боялась потерять гардеробную бирочку с номером, хранившим, мое зимнее пальто, хотя она была спрятана ни где-нибудь, а в правом валенке. Все обошлось благополучно. Конечно, мне бы было значительно легче, если бы я была тогда знакома с рассказом Зощенко о бирке от шкафчика со своей одеждой, которую во время мойки человек хранил на коленке, и которая не хотела никак на нем держаться.

На школьном новогоднем празднике я была солисткой и исполняла роль белого гуся, а моя подружка Пименова Валя – серого гуся. Мама из белой марли, сложив ее в несколько слоев, сшила платье и украсила его лентой из красного ситца, и мы, впервые, как артистки, пели вместе: "Жили у бабушки два веселых гуся", а потом Валя, показывая на свое серд-

це, почти шёпотом произносила: "Один – серый", а я также, показывая пальчикам на свое сердце, широко улыбалась, и громко, протяжно произносила: "Другой – белый", и вместе весело каждый раз заканчивали фразу: "Два веселых гуся!"

Что касается праздничного дня, на который мы вместе с мамой были приглашены нашими знакомыми и то, что елка была у них не большая, но очень яркая и красивая, и стол, покрытый белой скатертью, был огромный, на нем красовались яблоки, апельсины, мандарины, пирожное, мое любимое козье молоко. Взрослые и дети много пели и танцевали вальсы, польки, краковяк. Хозяйка девочкам преподнесла подарки. Это были на красивых тесемках синие шерстяные сумочки с вышитыми васильками и малюсенькими куколками-матрешками. Вечером мы вежливо попрощались, поблагодарили хозяев за праздник и ушли. Папа в эту пору был уже на Украине и с утра до позднего вечера восстанавливал харьковский аэропорт, его деревянную часть: топором делал все двери, а их было много, рамы для окон, сооружал крылечки, выстилал полы, укреплял чердаки и подвалы, как самого аэровокзала, также и других нужных хозяйственных построек, Три года он занимался своим любимым делом. восстанавливая аэропорты в городах – Донецк, Днепропетровск и Запорожье. Недавно я плакала, потому что хозяева-варвары «самостийной» Украины бомбили, разрушали аэропорты, которые, полсущества, были созданы посиневшими от напряженной работы плотника, непрерывно длившееся не

больше и не меньше четырехсот двадцати трудовых полу-
суток. Плача, я в 2014-ом году, в возрасте семидесяти лет
причитала: «Дорогие мои вокзалы! Солнечные мои военные
летчики сороковых годов! Счастливое мое детство! Почему
бесповоротно не могут исчезнуть проклятые фашисты?»»

Украина

В марте 1944 года из Донецка, с папиной работы приехал добрый человек, которому было приказано правительством привести с Урала на Украину жен и детей восстановителей четырех аэропортов тех городов, которые уже освобождены от гитлеровцев. Мамы собрали вещи. Аэропортовская машина доставила нас, семь мам и восемь детей, на вокзал. Вскоре подошел товарный поезд, мы спокойно разместившись в товарном вагоне, поехали в Москву. По пути мы долго стояли в Казани. Мамы принесли кипяченую воду, купили три жирненьких курочки.

В Москве мы расстелили свои пуховые матрацы и спали на них, на полу, возле каменных ног памятника здравствующему тогда «великому вождю всех народов."

Однажды вся наша компания пришла в смятение, когда одна мама где-то достала молоко, целых два литра молока и пятилетнему сыну велела, на зависть всем другим, пить из бидона. Держа его слабыми ручонками, он вдруг закашлял и бидон уронил на грязный пол. Мать кулаком ударила его по голове и, выкрикивая кошмарные слова, велела сыну слизать с пола все молоко. Мы все остолбенели. Никто не посмел заступиться за ребенка, который после коварной процедуры крепко заснул и во сне несколько раз истошно кричал, соскакивал и, казалось, падал без чувств.

Наше настроение поднялось только тогда, когда мы, дети, оказались в метро. Движение вверх и вниз, переходы и пересадки самооткрывающиеся двери, красота и блеск захватили все наши чувства и, конечно, остались сказкой в нашей памяти. "Москва! Москва!" – шепчем мы до сих пор и готовы в любую минуту отправиться в самую дальнюю дорогу!

На пассажирском поезде мы успешно добрались до города Донецка, где предстояло прожить полгода. Встречая нас, папа сначала вытащил меня, сестру и маму из кабины грузовика, потом – все наши вещи, обнял нас, расцеловал и, подняв руку, протянул ее вперед, показал на большой светлый каменный дом и сказал: "Тут все вместе теперь мы будем жить!" Он открыл дверь, мы вошли в очень темное помещение. Окна были плотно забиты досками. Пятилетняя сестра испугалась темноты и закричала: "Я боюсь, увезите меня обратно домой! «и выбежала на улицу. А папа взял ее левой рукой за ее правую руку, а своей левой прихватил топор. Они оба вышли на улицу. Он быстро отодрал доски с окон, не пропускавшие в дом свет. Солнечные лучи стремительно скользнули по стенам огромной высокой комнаты, и мы увидели на полу кучу, состоявшую из одиннадцати арбузов. «Все это я дарю вам, мои дамочки!"

Мы с мамой, оказавшись на Украине, занимались полезными и интересными делами. Она переделывала, подгоняя по размеру, легчикам их рабочую форму, а я решала составляемые папой задачи по математике с нуля и включитель-

но начала алгебры, а также вязала кукле платье, вышивала крестиком и гладью украинские узоры на своей блузке с короткими рукавчиками-фонариками, которые носила ее и на Украине, и позже – на Урале, где я долго горевала о прекрасных просторах, о жаворонке в небе, о замечательных песнях, о высоких ножках голов подсолнухов и молочной молодой кукурузе, о героических летчиках, об оврагах, об одной маленькой деревне, что стояла на берегу бушующего Днепра, волны которого расшибались о каменные пороги, и о большом поселке, называвшемся Старыми Кайдаками, где в то время, после недавних сражений с фашистами вновь появились птицы и насекомые, заблеяли козы, замычали коровы, запели роскошные петухи и заволновалась куры-наседки. В самом прекрасном краю, из тех, которые мне тогда были знакомы, я увезла новые для себя стихи, истории, чуточку захватывающего дух языка, украинского, бесшабашного гопака и целый венок с десятком разноцветных лент, образно завершающих первое мое грандиозное дальнейшее путешествие.

Концерт в Днепропетровске и Витя Черевичкин

Донецк 1944 года запомнился пустынным, с горами соли и угля, маленьким поселком с болотом, и громко квакающими лягушками. Дни состояли из детских игр на улице и в доме. Папа сделал воздушного змея и с нами гонял его светлыми вечерами. Он приносил газеты с аэропорта и велел читать, хотя мне тогда в них еще не было ничего понятного. Буквы были мелкие, не как в букваре, они заставляли меня плакать. Мне становилось грустно-прегрустно. Я вспоминала любимую учительницу Анну Ивановну и все время спрашивала у мамы, не приедет ли она сюда, в гости к нам. Много позже, получив высшее филологическое образование, обручая детей и студентов, я, как и она, старалась быть всегда снисходительной и улыбчивой. Я не сердилась ни на детей, ни на юношество.

Осенью нас «перебросили» в поселок при аэропорте города Днепропетровска. Как-то мы и наши мамы побывали в этом городе на концерте в большом зале, где мне понравился мальчик, высоким голосом исполнявший песню про своих голубей, в которых стреляли фашисты. Русский мальчик, четырнадцатилетний Витя Черевичкин, плача, умолял птиц скорее улететь подальше в облачную высь и остаться живыми. Умные голуби поднялись высоко и скрылись за го-

ризонтом. За спасение птиц фашисты расправились с пацаном. Они убили его. Позже, когда мы вернулись на Урал, я пошла смотреть кинофильм "Молодая гвардия" про девочек и мальчишек – героев Великой отечественной войны и вспомнила того паренька, который погиб, спасая своих голубей, героически погиб от рук фашистов, как и Олег Кошевой со своими друзьями, которые отстаивали независимость нашей страны.

Мы прошли по городу. Он был весь в строительных лесах, очень красив и строен в солнечном свете. Мы жили в сорока километров от него в глубоких бетонных блиндажах. Длинные окна нашей комнаты находились под потолком и опускались на пятьдесят сантиметров до земли. Их было три. Интересными выглядели винтовые ступеньки-три марша по одиннадцать штук. Я научилась перепрыгивать по ним вниз – сначала через две, потом через три. Позже я научилась также подниматься, как и опускаться. Спустя несколько месяцев, наша компания пополнилась новыми строителями других профессий, чем у папы-плотника. Добавилось двое мальчиков и четверо девочек. Мне стало веселее.

Мои дни пролетали быстро: завтрак, прятки среди высоченных подсолнухов и кукурузы, катание по поверхности огромных стеклянных прожекторов, разведка нор сусликов, поиски таких следов войны, как частей тяжелых биноклей, кусочков тканей солдатских шинелей, наши скромные рапорты о наших находках кому-нибудь из военных рядом рас-

полагавшейся воинской части.

Ежедневно мы буквально впивались глазами в небо и находили буквально поющее чудо – точечку, миниатюрного веселого жаворонка, кричащего в небе на всю округу. Его голосок летел к нам, а также мчался от горизонта южного до горизонта северного и поперек.

В один из счастливых дней мне пришлось пережить злоключение. Вместе с друзьями после отчаянной беготни мы шли спокойно по зеленому полю и вдруг увидели ярко блистающую полосу, которой раньше на нем не было. Подошли к ней поближе, рассмотрели ее и поняли, что кто-то из чего-то почему-то разлил горячий черный-пречерный гудрон. Мы долго смотрели в него как в зеркало. Он тек по полю стройной дорожкой шириною около полуметра. Шестеро друзей удачно его перепрыгивали, а мне не повезло, потому, что я решила сначала разбежаться, а потом перескочить красивую, оказалось, роковую полосу. Глубоко вздохнув я командовала себе: "Марш!" и, разбежавшись, поскользнулась. Я угодила прямо в гудрон. В нем оказались мои туфли, ноги, платье, руки, шея, волосы, уши и щеки. Мне стало очень жарко. Хорошо, что я успела закрыть глаза и в них несколько ничего не попало, но зато рот закричал нечеловеческим голосом неразборчивыми словами, выдавая непонятные звуки. Друзья быстро сообразили. Они сразу все помчались на аэропорт и стали кричать: "Ой! Ой! Беда! Галя тонет в гудрон!" Первым подбежал ко мне мой папа, за ним – трое муж-

чин, которые, улыбаясь, вопрошали: "Где наша утопленница?" и стали дружно подымать меня из гудрона. Он тек по мне и по папиным ступням всю дорогу, до самого дома. Мама подставила скамейку, а папа тихонько положил меня на нее. Меня тихую, как мертвеца. Рыдая, мама чем-то снимала с меня гудрон долго-долго. Я плакала только от того, что лишилась не только длинной косы, но и получила на все лето позорное прозвище: «лысая-лысая». Очень сердилась на себя, на друзей, не соображая почему. Позже я все-таки поняла: наступил еще более несчастный день отъезда на Урал, а я горевала о том, что из-за полета в гудрон мою голову папа обрил наголо, я получила кличку «лысая» и вынуждена была надеть косынку и в таком некрасивом виде навсегда остаться в памяти своих любимых товарищей.

Мама соглашалась «подогнать» им по фигуре полученную новенькую форму. Швейная ножная зингеровская машина монотонно постукивала и убаюкивала нас как днем, так и вечером. Под этот стук мы засыпали. Часто, подходя к нашему жилищу кто-то из молодых военных легко пролетал все лестницы и приветствовал: "Здравствуйте, мастерица! Привет, детишки! Сделайте, пожалуйста, удобными штанишки!" Пока человек, волнуясь, надевал аккуратно подшитые по фигуре брюки или гимнастерку, мы старательно вглядывались в его лицо. запоминали цвет глаз, губы, носа, прямые или вьющиеся волосы, обычные или забавные уши. И, как нам казалось, скромно перешептывались. Мы разглядывали пле-

чи, руки, ноги, всю стройную фигуру и думали о том, что он обязательно придет еще с новым заказом, будет широко улыбаться обновленной одежке и Угостит нас чем-нибудь сладким. На время наступала небольшая тишина, потому что каждый из нас думал и желал пилоту скорого возвращения после опасного боя. «Возвращайтесь и приходите еще обязательно!» – почти кричали мы, а юноши крепко обнимали нас и уходили чаще всего навсегда. «Когда же эта проклятая война кончится» – причитала наша мама.

Прощай, родная Украина

Пролетело 730 счастливых, теплых, ярких, на всю жизнь запоминающихся деньков и наступила для меня полоса – полоса почти невыносимого, печального настроения.

Папа, работая на восстановлении аэропортов, громко ругал украинские деревья из-за того, что они были непомерно унижены и украшены мелкими и крупными сучками и плохо поддавались ручной обработке. Его еще вполне молодые, крепкие руки после сильных физических упражнений – ударами топором или молотком, сильными нажатиями фу-ганков и тому подобных столярных и плотницких инструментов, от колоссальных напряжений почти всегда к вечеру становились синими. Он тяжело и грустно вздыхал: "Надо убраться с Украины обратно на Урал. Там настоящие леса. Скорей бы победа, Мне начальник Черненко пообещал: "Как только меня повысят в должности и переведут в Днепропетровск, я тебя отпущу на любимый Урал." Он сдержал свое слово, и почти через год после войны с фашистской Германией он уволил папу с работы в Днепропетровском аэропорте.

Все началось с того, что неожиданно к нашему блиндажу подъехала грузовая машина, и родители стали складывать в нее наши вещи. Я спросила: "Почему?" Отец спокойно ответил: «Едем домой». "Куда?" – уточнила я. Мама сказала:

"В Свердловск". Для меня это известие оказалось сногсшибательным. В прямом смысле. Во-первых, потому что за два года я ни разу не вспоминала о родном городе. Я, ни слова не говоря, соскочила со стула и ринулась бежать в военный городок, чтобы меня не догнали. Я устремилась в один барак, где стояло много кроватей и вползла под одну из них. Отец и шофер искали меня больше получаса. Наконец, он увидел меня, поднял с полу, прижал к груди, втолкнул на сиденье кабины трехтонки, и мы тронулись домой за три девять земель. По дороге я все время думала о том, почему же я не увидела процедуру сбора вещей. И, наконец-то я разгадала секрет. Наверняка, мама выпроваживала меня на улицу, там же кормила обедом, и уставшую от игр на свежем воздухе, днем, быстрехонько, как всегда, укладывала спать. Конечно, если бы я, наблюдая момент сборки вещей, непременно бы поинтересовалась о том, зачем она некоторые вещи складывает в мешки, а другие выносит в мусорные ящики. Самое главное, если бы я заметила, пропажу моей единственной любимой куклы Зойки, я даже не знаю, что бы со мной было. Я бы все перебрала и перерыла. Эта пропажа обнаружилась в ставшим ненавистным Свердловске. Я рыдала очень долго считала себя самым несчастным человеком, минимум года три, пока не осознала, что не могу одна уехать обратно на милую сердцу мою Украину, чтобы найти мою Зойку и остаться там навсегда.

Возвращаясь к разговору с мамой в свои одиннадцать лет

об утраченной кукле, я услышала от нее следующее: «Не волнуйся, я тебе куплю новую, ещё красивее, чем та», и, немножко помолчав, улыбаясь, добавила: «впрочем, зачем тебе кукла? Ты быстро подрастёшь, и у тебя будет своя кукла, и назовешь ты ее Зойкой!» Я поняла, что мамочка моя родная не купит мне никакую куклу, и больше я о красивой кукле маму не просила, Мамочка увидела мою Зою только через восемнадцать лет. Она вместе с моим мужем приняла ее возле роддомовских дверей, часто любовалась и долго нянчила ее, когда я уезжала в университет или в командировки. Только пять лет, до смерти мамы после тяжелой болезни, Зоя смогла порадовать ее.

* * *

В родном городе нас приютили дядя Коля, мой «свекла» – Николай Алексеевич и Анастасия Филимоновна – его жена, а моя «Кока» – самые мои любимые на всю жизнь люди. В школу поселка "Депо сортировочное «меня не зачислили во второй класс, а только в первый. Проклятая война, которая забрала у меня целых два учебных года. Другую половину 1946 года мы провели в поселке электромашиностроительного завода в семье Парасковьи – маминой тети, и я училась в школе № 67 на улице Стачек. 1947 и 1948 годы мы жили во флигере дальних родственников по маминой линии – Рожкиных Алексея, Марии и Николая от которого наша мама

тайно, в отместку за папины измены родила Бориса – нашего брата.

Отец работал грузчиком и сторожем на складе дорогого производственного оборудования. Директором этого предприятия был хозяин мизерного домика, который мы арендовали, потому что в течение двух лет не было после Украины собственного жилья. Наняв еще на работу какого-то вороватого человека, хозяин подкупил его и заставил ночью взломать склад и вывести значительную часть товара, а сам скрылся. Их не нашли, а в халатности обвинили нашего отца и приговорили к высокому штрафу, который он выплачивал более четырех лет.

Мы с мамой зимой брали тяжелые ломы и счищали горки льда, образовавшиеся вокруг водопроводных колонок, а летом занимались большущими огородами. Мама еще успевала работать уборщицей. Мы и наши родственники горевали из-за случившегося, а я слушала их жалобы и все время, вспоминая южные края, упрекала родных и причитала: «Не надо было уезжать с Украины» и упрашивала отвезти меня обратно в деревеньку – в Старые Кайдаки, что под Днепропетровском. Отец молчал, а мама обнимала меня и говорила; «Вот выучишься, вырастешь и повезешь нас всех туда.» В последствии я бывала в Киеве, в Харькове. Именно в нем я, сорок лет спустя после прощания со светлым теплым краем, выступив на конференции ученых СССР по проблемам развития художественной интеллигенции, не хотела возвра-

щаться домой после встречи с аэропортом. Он был так хорош.

Пионерский поселок

Мы все еще живем во флигере дальних родственников в Пионерском поселке по Уральской улице в доме № 71. Двор, огород, дом собака, хозяин, овчарка Джерка – все огромное. Его жена Мария, маленькая женщина-учительница, загруженная проверкой сотнями тетрадей, готовкой еды для сына и мужа, и для собаки. Нет у нее ни секунды для отдыха. Злой пьяница муж скандалит и бьет ее, поэтому она часто даже в школу ходит с синяками на руках и на лице. Жалобы в милицию не помогают. И мы – свидетели побоев тихой женщины, тоже бессильны. Бедная, она часто пытается спрятаться где-нибудь во дворе. Я плачу, моя мама рыдает, а отец не вмешивается, чтобы не потерять пристанище. В тревоге мы ждем перемен, говорим между собой о том, когда же папа получит свое жилье. В течение двух лет папа рано утром отправляется на работу продавцом с огромный склад такого крупного товара, как шины для автомобильных колес и другого оборудования для трехтоннок, для пикапов, для тракторов, для предметов кухонь, двери и око, а в другую – веревку, привязанную к рогам нашей козы Зойки, и иду долго вдоль нашей длинной улицы, затем вдоль железнодорожного полотна к папиному складу. При этом из дома я выхожу раньше, примерно за час до его обода, для того, чтобы козочка успела по пути пощипать травки и сильно не старалась сбежать вниз

поселенному железнодорожному полотну к папиному складу и поездам. Он быстро забирал сумку из моих рук, и если я из любопытства пыталась подольше разглядеть ценности, то он строго говорил: «Ну все! Беги домой!» Вообще он в основном чаще общался с мамой, чем со мной, а когда говорил со мной, то исключительно о школьных делах. С удовольствием улыбался моим пятеркам (оценкам), выставленным Александром Мефодьевичем в дневнике и тетрадях. Уходя на работу, каждое утро повторял: «Учись хорошо! Учись!» Я старалась учиться лучше других, и вскоре после приема меня в пионеры все девочки моего класса избрали меня председателем совета нашего пионерского отряда, а учитель подошел ко мне и подал руку для поздравления. Бедняжка, я чуть не заплакала от счастья, хотя совсем не знала, что означает слово председатель, которое еще много-много раз за мою жизнь определяло мой такой социальный статус. А пока после бесед Ирмы с нами, председателями 4-х 5-х 6-х 7-х классов-пионерских отрядов я строго следила за тем, чтобы мои подопечные пионерки держали свои галстуки в частоте, не забывали бы их надевать в школу и при участии в демонстрациях праздниках и парадах, чтобы они учились только на «хорошо» и «отлично», чтобы помогали малышам и родителям, а также активно участвовали в сборах, праздниках, кружках самодеятельности, спортивных секциях и походах, во всем, что могло бы приносить радость здоровье и пользу людям и себе.

Многие дела шли хорошо. Но, как бывает в жизни, и на старуху нападает проруха. Вдруг на мою голову свалилось дикое событие. В тот день в нашем классе, можно сказать, появились язычники, которых я сильно обожала за сказки с кикиморами, чертями и лешими, но не подозревала о таком чуде, которое напало неожиданно, как снег, на мою голову. Однажды, наслушавшись от кого-то примет, почти все мои девчонки явились с неприбранными косичками, просто косматые и не повязали пионерские галстуки словно сами себя исключили из рядов хороших учеников и, попросту, из пионеров. Меня охватил ужас. Как это они смогли нарушить пионерскую клятву быть самыми лучшими, самыми умными? Я стала им громко объяснять, что они не должны нарушать свое обещания, потому что такие поступки не принося пользу никому, ни себе самому. Они, сердитые, начали смело наступать на меня: "Какое твое дело? Что тебе надо? Разве мы не должны слушать наших бабушек? Это они пришли еще вчера из церкви и рассказали о святом сегодняшнем дне божьей заповеди, который предсказывает счастье всем девочкам, девушкам, женщинам, бабушкам великое счастье в том случае, если они не заплетут косы и не наденут галстуки, а птички не попьют воды из речки и не пописают в нее, а ты не знаешь этого и кричишь на нас и еще приказываешь вместо урока бежать домой за галстуком и срочно причесаться. и привести вообще себя в порядок!" Прозвенел звонок пришел, учитель физкультуры и увел девчонок на свои за-

нятия, а я села за парту и написала письмо в нашу газету, в "Пионерскую правду", чтобы она разрешила спор. Позже директору какой-то корреспондент написал ответ: «Просим Вас побеседовать с родителями и с детьми о верованиях.» Родителям директор доходчиво объяснила, что к чему. а девочкам велела учиться слушать меня и хорошо учиться, а не заниматься глупостями. Мне она дала совет: "Надо сначала поговорить со мной, со старшими, а потом писать в газету." Тогда я не поняла почему?

Александр Мефодьевич – артиллерист

Поезд, ехавший с Украины через Москву, привез нас на Урал, и мы временно приютились в поселке Электродепо Свердловской железной дороги, в комнате моего любимого дяди Коли по прозвищу «свекла» и его жены – моей любимой «коки» Анастасии Филимоновны, которая сразу принялась за мое обучение чтению и ежедневные проводы в школу № 10. Прошли апрель и май, в котором мужчины вскопали землю огромного огорода и проделали лунки, а мы с мамой в них побросали частички красных картофелин, привезенных из Днепропетровска. Урожай наш оказался богатым – чуть ли не сто ведер! Пока поспевала картошка, я изо всех сил заново одолевала всю науку за первый класс, а по окончании второго и третьего классов школы № 35 я за отличную учебу была награждена Почетной грамотой Министерства образования, и как хорошая ученица, и староста класса получила право носить пионерский галстук, который мне в грустный траурный день – 1 декабря 1946 года – дату гибели С. М. Кирова – маминогo земляка и государственного деятеля, вручила старшая пионервожатая Ирма Тельман.

Как на знамени пионерской дружины, так и по кромке наших красных галстуков «пролегли» черные ленты. По воспоминаниям родственников, этот человек был очень умен и

симпатичен, и я всю жизнь мысленно с благодарностью вспоминала о нем и улыбалась, глядя на памятник С. М. Кирову, стоящему на площади Уральского политехнического института, в зале которого нас принимали в пионеры, вскоре наш класс стал пионерским отрядом, а я – председателем совета отряда. УПИ – этот вуз был шефом моей школы, и в котором четверть века спустя я начала преподавать общественные дисциплины, одолевая науки и заслужила звание кандидата философии.

Пребывание в этой школе было счастливым еще и потому, что учителем оказался очень красивый и умный человек, бывший артиллерист бивший немецких фашистов 2057 суток – с 21 июня 1941 года по 9 мая 1945 года. Возвратившись с войны, он поступил в университет на исторический факультет и пришел нас учить. Его замечательные уроки, его прелестная улыбка покорили весь наш девчоночный класс. Каждый урок был битвой за знания. Нам было по 10 или по 11 лет, но мы слышали все его четкие команды и понимали их с одного раза. К его приходу я командовала: "К уроку приготовиться! А теперь всем встать! Смирно!" Входя в класс, Александр Мефодьевич делал серьезное лицо и командовал: «Здравия желаю, будущие ученые!» Мы детскими голосочками отвечали: "Здравия желаем, А-лек-сандр Ме-фодь-евич!"

Дорогой наш первый учитель показал нам, как и первая моя учительница, красоту оценки "5". И эта цифра остава-

лась моей любимой навсегда еще и потому, что она одна или составные числа, которые в нее входили характеризовали весьма значимые события моей жизни: месяц рождения – май год рождения – 1935, кончилась война – 1945, поступление в университет – 1955, поступление в партию – 1960, в годичную аспирантуру – 1980, я открыла первый в СССР Гуманитарный университет – 1990, закончила работу в своем вузе – Академии искусств и художественных ремесел имени Демидовых в 2005 году, и моя мамочка, как мое начало, родилась 1905 году.

Да я еще до сих пор вспоминаю самый выдающийся урок любимого учителя. Поздоровавшись с нами в очередной раз, он энергично подошел к доске и на самом ее верху белым мелом крупно написал мало нам известное слово – ПЛАН и сказал: "Сейчас мы познакомимся с картой сельской местности, изучим некоторые картографические знаки, каждый из которых что-то обозначает. Например, овраг, дорога, мельница, школа, сельпо. Слово ПЛАН это, это очень важное слово, без него никто из вас не сможет обойтись никогда. Даже сегодня. Вспомните, как вы на отдельных листочках писали слова "Режим дня" – это план на день: 7 часов – подъем, в 7 часов 15 минут – зарядка, в 7 часов 30 – завтрак, в 7 часов 45 минут – в школу, а в ней через каждые 45 минут – звонки на уроки. Дальше – прогулка, обед, подготовка домашних заданий, полдник, отдых, ночной сон.

Теперь подумайте, что же такое режим дня? Можно ли

его заменить другими словами или просто одним словом?" Мы толковали по этому поводу довольно долго, потом было длительное молчание, которое нарушилось четким басом: «Дорогие умненькие девочки! Слова РЕЖИМ ДНЯ, которые я сейчас записываю на доске еще раз, обозначают ПЛАН ДНЯ!!!» Мы малышки хором облегченно вздохнули: "Как просто." И подумала: «До чего же у нас умный учитель! Он все знает!" Тут он забасил "Запомните, Каждый завтрашний день еще с сегодняшнего вечера надо планировать, и план обязательно выполнять. Тогда вы все будете делать вовремя, правильно и хорошо. Многие В жизни успеете, а я желаю вам прожить много-много счастливых долгих лет!" С нами он пробыл до конца третьего класса, а затем перешел преподавать в артиллеристское училище.

Через 20 лет я встретила его сына в трамвае очень, похожего на него. Поначалу от сильного волнения я решила, что это Александр Мефодьевич, и поэтому бойко поздоровалась, а тихий бас спросил: "Скажите, пожалуйста, мы с вами разве знакомы?" Тут я, поперхнувшись, спросила: "Можно узнать, как вас зовут" Он ответил: «Я Георгий – сын Александра Мефодьевича". Мы о нем поговорили минут двадцать. Я вышла на улицу и разрыдалась, и поняла: «Кончилось мое золотое детство. Остались бесконечные, раздирающие душу воспоминания."

Розовая картошка

Помнится, длинный забор, огораживавший бараки плененных фашистов, которые в дневное время строили двухэтажные дома из шлакоблоков и дерева. Первые из них сильно промерзали, а вторые были уютными и теплыми, если только состояли из крепких сухих сосновых бревен. Наша девятиметровая комнатка умещала днем трех человек, а на ночной сон «приглашала» и тех, кто в светлое время пребывал на работе и строил государственное и частное жилье. Каждый год в свой день рождения, 24 мая, я непременно сдавала экзамен по математике, а в июне, как всегда, наступало время для дум о том, как провести лето. Это была приятная пора: всей семьей мы копали и рыхлили землю под огород, делили клубни картофеля на кусочки с ростками и раскладывали их по одиночке в ямки, как мне казалось, для безграничных трех полей. Все сильно-пресильно уставали. Все лето, раз в неделю, мы регулярно выходили посмотреть на то, как колышется крепкие ветки со сверкающими на солнце листиками. Родители гордились тем, что, покидая Украину, они прихватили, можно так сказать, три огромных мешка картофеля сорта «Роза». Она росла прекрасно, гнездилась, кустилась, чудесно украшала зеленые крепкие ветки и спела. Когда мы ее помещали в чугунок и ставили с папой сложенную из кирпича красивую печь, она блистала хрусталь-

ными звездами и обволакивала нас бесподобным ароматом. Эту розовую прелесть мы высаживали и в районе улицы Шефской и в поселке Старой сортировки, населенной железнодорожниками, недалеко от того местечка, где в до и после Отечественной войны жили мои дядя Коля и Анастасия Филимоновна, у которых я, как любимая племянница гостила, каждое воскресенье. А картофель множился и радовал меня десятки лет, поддерживая во мне любовь к всему тому, чем была для меня вторая родина – славная, красивая, поющая матушка Украина!

Домашняя школа – моя первая практика

Это замечательное лето третьего послевоенного года не показалось очень длинным еще и потому, что подружки и друзья были большими фантазерами. В хорошую погоду из своих комнат мы все выносили стулья и табуреты, усаживали мам, пап, малышей и начинали буйный концерт. Читали стихи Маршака и Некрасова, выплясывали "Матросское яблочко" и «Барыню», пели любимые песни про легендарную Коховку, родную винтовку, про Васю-Василька и Смуглянку, и, конечно, о морях, об океанах, об отважных капитанах, о чайках и самураях. В непогоду в коридоре барака устанавливали тумбочки, раскладывали учебники и начинали многочасовые уроки. Отличники по русскому языку читали диктанты, а я, предполагая стать великим математиком, «мучила» всех арифметикой.

Прощание с бабушкой Марфой

Еще позавчера мы навсегда распрощались с бабушкой Марфой – матерью нашего отца, которая прожила 78 лет и приехала к нам несколько месяцев назад совершенно изнеможённой. До этого она всю жизнь пребывала в деревне Слудка Вятской губернии. Мы, если можно так сказать, боролись с ее худобой, боролись за ее жизнь. Во-первых, захотели ее получше покормить и вести себя как любящие люди.

Отец заколол шустрого козленка, а я рыдала от горя по нему, но понимала, что это нужно и приятно будет бабушке до сыты, наконец, поесть. На утро в русской печи, в чугушке было готово мясо, шел сильный вкусный аромат. Завтрак начали. Папа, мама, сестра, гостя и я – все сели за стол, но ни я, ни бабушка не пожелали есть мясо. Я, потому что сильно расстроилась из-за исчезнувшего любимого козлёнка, а бабушка отказалась, потому что была знакома с народной мудростью, которая говорила о том, что оголодавшему человеку не стоит сразу есть много. Я об этом не знала, и мне захотелось спросить: " Баба Марфа, почему ты не кушаешь мясо? Давай ешь, ведь папа моего козленочка специально для тебя зарезал." Не успела я договорить страшное слово и снова, как ночью, зарыдала, а бедная старушка, успокаивая меня, ответила просто: «Деточка, если я буду мясо есть, то быстро умру, потому что в деревне я привыкла питаться только

сладкой гнилой картошкой.

Другой еды там просто не было с самого начала войны с финнами, потом с немцами, а теперь, может. и будут деньги и продукты, и я уже здесь с вами, наверняка, потихоньку постараюсь перейти на новую пищу. Баба Марфа прожила еще полтора года. Последнюю ночь она спала в одной постели со мной прямо на обеденном столе, потому что у нас пока еще после Украины была малюсенькая комнатка. Как оказалось, перед своим последним поздним вечером в жизни бабушка погладила меня по голове, плотно прижавшись к моей спине, она быстро уснула, чтобы больше не проснуться никогда.

Утром солнце заглянуло в окно, и я открыла глаза, мама оказалась поблизости от нас и почему-то потрогала бабушку. Ее лоб оказался холодным, как лед, и мама произнесла: «Галя, просыпайся тихонько, вставай осторожно, не задевай бабушку, потому что мы с Андроником ее сами подыдем, она не сможет подняться. Просто она, наша Марфа отжила свой век», и шепнула мне: «Тихонько убери ее руку со своего боку и беги умываться». Старушку мы хоронили недалеко от парадного входа Михайловского кладбища, рядом с могилой миленького, красивенького братика Юрочки, который умер в 1941 году от воспаления легких, после крещения в церкви в ту пору от этой болезни умирали очень многие.

Приметы новой жизни

Вы не поверите друзья, но к счастью для меня наступило самое великолепное время моей жизни и продлилось оно целых пятнадцать лет. Мой отец, наконец, был принят на работу плотником в управление строительства Турбомоторного завода, где ему начальник пообещал за хорошую работу предоставить сначала комнатку, а чуть погодя, может быть, и две, поскольку в нашей семье, кроме папы и мамы были две школьницы. Папа и его друзья должны были за летние и осенние месяцы построить два двухэтажных жилых деревянных дома. Стройка шла бойко, потому что основу домов необходимо было сделать до холодов, так как на стройку привозили в основном сосновые не полностью очищенные огромные части деревьев, подчас третья часть из них оказывалась очень сырой и должна была высохнуть до того, как лечь плотно бревнышко к брёвнышку и, в конечном виде, составить сухую стену любого помещения.

Переулочок Изумрудный

Строители отлично работали и закончили создание дома на неделю раньше положенного срока. Две семьи в свеженьких домах получили по две комнаты. В том числе и мы. Радости не было предела еще и потому что папе первому выдали ключи и краску для написания номеров на всех входных квартирных дверях. Он был важен и сосредоточен, и не позволял шуметь. А мы важничали, ходили по пятам и хором шепотом произносили, как заклинания: "Один, два, три" и последний номер: "Восемь!" Папа, проверив быстро сделанное, незаметно исчез, а мы почти до вечера рассматривали все квартиры, смеялись, стучали дверьми, которых было больше пятидесяти, и кричали: "Спасибо строителям! Ура! Ура! Ура!" Утром все ученики нашей школы радовались с нами, а учителя чуть ли не все в один голос говорили нам: "Теперь, товарищи-новоселы, вы должны учиться только на «отлично»". Мои родители радовались, потому что в честь Нового 1949 года я принесла в дневнике пятерки по всем предметам. В 56-ой школе, что располагалась по улице имени Баумана, между Шефской и Старых большевиков, я проработала 3 года и закончила семилетку. Это была самая счастливая школьная пора – пора пребывания в пионерии, где я, по существу начала всю свою активную производственную и общественную карьеру – вступила в союз молодежи. В этой,

недавно открытой школе, самых лучших учеников, достигших 14-ти лет, поощряли тем, что просили и позволяли стать руководителем любого школьного коллектива.

Радуюсь новой школе, светлому с огромными окнами классу, мы с подружкой Тamarой первыми принесли по два горшка с цветами, а за нами следом появилось столько красивых растений, что оказались заняты все три огромных подоконника класса и шесть коридорных. Директор школы Семен Ильич во время выступления перед нами накануне октябрьского праздника назвал наш класс лучшим как за успехи в учебе, так и за общественную работу. В Союз молодежи первыми были приняты Валя Кириленко, отец которой, как партийный деятель, прошел путь от секретаря цехового комитета завода до члена центрального комитета партии. Я и Милий Зицер также стали первыми членами молодежного союза. Этот прелестный паренек возглавил нашу первичную школьную организацию в большей степени благодаря мне: я отдала за него свой голос, и Вале ничего более не оставалось, как меня поддержать. Присутствовавшая Анна Ильинична – представитель районной организации Союза молодежи, руководившая общественной деятельностью молодых работников и учащихся старших классов учебных заведений, прислонившись близко ко мне сухо спросила: "А почему ты не предложила избрать Валентину?" я ответила: " Потому, что Миля лучше." Простилась тогда она с нами навсегда. Просто ушла на другую работу. А я смогла понять

тогдашнюю ее тревогу только через несколько лет, когда Ва-
лин отец оказался на высочайшем посту. А Ане Ильиничне
было не все равно какое общественное положение должна
была занимать его дочь, очень известного знакомого партий-
ного работника А пока мы, молодые комсомольцы втроем
принялись готовить к вступлению в Союз молодежи тех, кто
приближается к 14-ти годам и учился лучше других. К концу
учебного года наша организация составляла более пяти де-
сяти человек, активно принявшихся за дела во славу родной
школы и Союза молодежи.

Жизнь в новом доме, по существу, началась с игры. Пер-
выми заехав в него, мы почувствовали себя хозяевами. На-
ши родители, приготовив для нас праздничные угощения и
елку, поздним вечером отправились встречать Новый год к
тете Клаве, и папе пришлось придумать, как домовую дверь
надежно закрыть от холода и ветра. Крепко прижав с ули-
цы входную дверь, он приказал мне вдеть веревку в ручку
двери и крепко примотать ее к перилам, ведущим на второй
этаж. Родные ушли, а мы поспраждновали немножко и креп-
ко уснули. Рано утром первого января 1949 года нас разбу-
дил страшный шум. Мы повскакивали с постелей и в ноч-
ных сорочках побежали вниз узнать, кто так шустро бара-
банит в дверь, и хором закричали: "Кто там?" А из-за две-
рей: "Открывайте, мы приехали с вещами и должны здесь
жить в пятой квартире! Открывайте скорее, а то мы на ули-
це замерзнем, тут 41 градус стоит!" Мы втроем хором объ-

ясняем: " Нам папа не разрешил открывать ни вам и никому!" "Если вы не откроете, то я просто сломаю дверь, а ваш папа будет потом ее чинить!" – закричал какой-то парень. Мы пожалели папу и очень долго возились с веревкой, пока совсем не распутали узлов. Дверь распахнулась. Влетел морозный воздух и сдул нас с лестничной площадки. Мы все забились под одно одеяло, и, немного подождав, согрелись. Любопытство разбирало нас: "Кому же мы открыли дверь?" Мы понеслись к новоселам, будущим друзьям. В явившейся семье детей было шестеро, и их мама, увидевшая под самым потолком трое антресолей, строго сказала: "Тот, кто из вас не будет слушать меня, будет наказан тем, что долго просидит голодом в этих шкафчиках." Мы испугались ее и убежали восвояси.

Сестричке в ту пору было почти 10 лет, братику – 2 годика, и эти малыши. хотя и играли со мной, но все же держались больше за мамину юбку. А если сестре удавалось оказаться со мной рядом, когда я учила уроки, то у нее появлялось большое желание оставить свой автограф в моей тетради. Внезапно она подбегала, сзади ко мне подкрадывалась, протягивала ручонку, мигом выхватывала у меня канцелярскую ручку с пером и чернилами, и, если можно так сказать, бойко выписывала большие круги и палочки то в тетради по математике, то по русскому языку. Я издавала жуткий крик, мама прибегала и уводила дочку на кухню.

Дорогой читатель. Я была несказанно рада тому, что мень-

шая комната из наших двух, по существу, оказалась моей. Получив ордер на право поселиться по адресу "Изумрудный переулок, дом 1, квартира 8", отец быстро смастерил из сосны всю мебель – большой круглый стол, табуреты, диван, стулья и все, еще то, что было необходимо для кухни. Мамочка из белого полотна нарезала квадратные кусочки и сшила из них скатерти, наволочки на матрацы и подушки. Мы восторгались тем, что потолок был на высоте не менее трех метров. Мама сделала белые шторы на три комнатных окна и солнечную штору для кухонного. Затем по белой ткани она быстренько выстрочила нежные веточки и на них крупные розы, потом вдернула в них веревочки, поднялась на табурет и прицепила шторы к только что купленным карнизам. Комнаты засияли белизной, и пышные высоченные доморощенные цветы заблагоухали, как в оранжерее. Стол служил всем нам как обеденный, папе как канцелярский. Папа был профоргом строительного подразделения и ему иногда приходилось на нем оформлять какие-то деловые бумаги, а маме, как заправной швее, мастерившей одежду не только для нас и родственников, но и для соседей тоже стол очень годился. Самыми праздничными процедурами для мамы были примерки красиво сшитых ею платьев девочкам, которые визжали, прыгали, кувыркались от восторга даже в тот момент, когда руки должны были попасть в рукава. А, уж мы с сестрой, видя себя в зеркало в новом одеянии, тарасили глаза и с разбегу прыгали на руки к маме,

чтобы расцеловать ее крепко-крепко. Мы все были безмерно счастливы тогда.

Пионерские дела и "Уральская рябинушка"

Наряду с делами в Союзе молодежи по просьбе директора школы мы с подружкой Рясной Тамарой стали руководить ученическим комитетом. На свои заседания мы приглашали слабо успевающих учеников, слушали внимательно их рассказы о том, что им мешает как следует учить уроки. Одни говорили: "Лень." Другие, плача и обижаясь на судьбу, раскрывали семейные секреты о том, что, например, у них нет отца. Он убит на фронте, а их одолела бедность или, что папа бьет маму, да и им самим достается, а дома и холодно, и нет еды и стола нет, за которым можно удобно и хорошо делать школьные задания. Мы выслушивали все объяснения и, как могли и умели помогали тем, кто нуждался в нашей защите: во-первых обращались к классным руководителям и к родительскому комитету, во-вторых бегали к бригадирам под руководством которых работали родители наших подопечных учеников и просили помощи в улучшении условий жизни ребят. Все обещали разобраться в соответствии с нашими просьбами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.